

312

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
СВЕРДЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

На правах рукописи

Ф. М. КУДИН

**ПРОИЗВОДНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ИХ
ИСТОЧНИКИ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель — доктор юридических наук,
профессор А. Т. БАЖАНОВ

СВЕРДЛОВСК

1967

312

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
СВЕРДЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Автор.

К-887

На правах рукописи

Ф. М. КУДИН

ПРОИЗВОДНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ИХ
ИСТОЧНИКИ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ

код экземпляра

42318

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель — доктор юридических наук,
профессор А. Т. БАЖАНОВ

СВЕРДЛОВСК

1967

11968

312

Ученый Совет Свердловского юридического института направляет Вам автореферат диссертации т. КУДИНА Ф. М. на тему «Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе». Диссертация подготовлена на кафедре уголовного процесса Свердловского юридического института.

Просим прислать Ваш отзыв.

Автореферат разослан 25 февраля 1967 г.

Защита назначена

марта 1967 г.

В Программе Коммунистической партии Советского Союза поставлена задача обеспечения строгого соблюдения социалистической законности, искоренения всяких нарушений правопорядка, ликвидации преступности и устранения причин, ее порождающих.

В системе самых различных мероприятий, направленных на выполнение этой сложной задачи, особое место занимает деятельность судебно-следственных органов, призванных непосредственно осуществлять борьбу с преступностью. Работа органов дознания, прокуратуры и суда была высоко оценена в отчетном докладе XXIII съезду КПСС, в решениях которого подчеркивалась важность дальнейшего укрепления Советского государства и всемерного развития социалистической законности.

Деятельность названных органов по раскрытию преступлений, по изобличению виновных лиц и их справедливому наказанию неразрывно связана с доказыванием, с оперированием доказательствами. Поэтому эффективность работы органов уголовного судопроизводства во многом зависит от умения собирать, исследовать и оценивать доказательства. Практика свидетельствует о том, что ошибки, встречающиеся при расследовании и рассмотрении уголовных дел, довольно часто объясняются неточным или неполным установлением фактических обстоятельств преступления.

Устранению подобных ошибок в значительной мере способствует глубокая разработка теории доказательств, отдельных ее вопросов с целью внедрения достижений науки в этой области в практику деятельности органов расследования и суда. Говоря об известных успехах советской теории доказательственного права, особенно в последнее время, нельзя вместе с тем не отметить, что уровень теоретического исследования ряда проблем учения о доказательствах не удовлетворяет в нужной степени запросы и интересы практики.

К числу недостаточно изученных относится вопрос о производных доказательствах, которые в уголовном процессе признаются одним из самостоятельных видов доказательств

и широко применяются при расследовании и рассмотрении дел. В советской юридической литературе специально производным доказательствам посвящены лишь два параграфа вышедшей в 1949 году монографии В. Я. Лившица «Принцип непосредственности в советском уголовном процессе» и небольшая по своему объему статья О. К. Пюсса¹. Неслучайно поэтому, что практические работники не имеют на своем вооружении разработанных правил, методов и условий использования этого вида доказательств в уголовно-процессуальной деятельности. Нередко производные доказательства смешиваются с косвенными и на них соответственно распространяются правила оперирования, относящиеся к косвенным доказательствам, что порождает ошибки в познании обстоятельств дела.

Отсюда вытекает необходимость рассмотрения всего комплекса вопросов, связанных с сущностью производных доказательств, и на основе этого разработки конкретных научно-обоснованных рекомендаций по использованию производных доказательств в практической деятельности. К достижению поставленной цели стремился автор в настоящей работе.

Диссертация написана на основе анализа и обобщения практики Верховных Судов СССР и РСФСР, иного опубликованного фактического материала, практики местных судебносудебных органов Татарской АССР и Удмуртской АССР, личного опыта работы автора в качестве следователя и пом. прокурора, а также на базе изучения философской, уголовно-процессуальной, гражданско-процессуальной и криминалистической литературы.

Диссертация состоит из вступления и трех глав.

В первой главе освещаются те вопросы общей теории доказательственного права, уяснение которых необходимо для рассмотрения природы производных доказательств и их источников.

Во второй главе раскрывается сущность и значение производных доказательств, дается подробная характеристика каждому виду их источников.

Третья глава посвящена особенностям использования производных доказательств и их источников в процессе доказывания.

В конце работы как итог исследования всех вопросов излагаются основные правила собирания, проверки, оценки про-

¹ О. К. Пюсса. Первоначальные и производные судебные доказательства в советском уголовном процессе. «Правоведение», 1958 г., № 3.

изводных доказательств и выдвигаются некоторые предложения по усовершенствованию законодательства.

* * *

В первом параграфе главы первой показано применение некоторых положений марксистско-ленинской теории отражения к познанию на следствии и суде, к сущности доказательств вообще и производных, в особенности.

Развивая мысль о классовом характере доказательственного права, автор, в частности, обращает внимание на то, что в основе его нормативных установлений и реализации их в практической деятельности лежит теория познания господствующего в обществе мировоззрения. Наиболее важные положения теории познания находят свое выражение в доказательственном праве через теорию судебных доказательств, представляющую собой конкретизацию гносеологии того или иного философского учения применительно к познанию на следствии и суде. В диссертации подчеркивается неразрывная связь и зависимость учения о доказательствах и теории познания соответствующей философской концепции.

Советская доктрина доказательственного права базируется на положениях марксистско-ленинской теории познания. Материалистическая диалектика является научно-философской основой исследования любых проблем теории доказательств, в том числе вопроса о производных доказательствах. По мнению автора, своего рода философским «ключом» к пониманию производных доказательств, а равно доказательств вообще служит проблема отражения, которая имеет для теории доказательственного права принципиально важное значение.

В работе в общих чертах раскрывается сущность отражения, говорится о многообразии его форм и при этом отмечается, что в уголовном процессе имеют место отражения события преступления, отдельных его обстоятельств, фактов, моментов на предметах неживой природы и в сознании людей. Показано, как проявляются особенности того и иного вида отражения в судебном исследовании.

В ходе отражения одних предметов другими происходит формирование вещественных доказательств, относящихся к группе следов. Отражение такого рода, принимая форму изменения внешнего вида, структуры отражаемого предмета, носит, как правило, доступный для наблюдения характер. В то же время оно является «немым», и задача следователя, суда состоит здесь в том, чтобы расшифровать его содержание, т. е. установить конкретный воздействующий предмет.

Отражения на предметах в дальнейшем сами становятся объектом познавательной деятельности следователя, суда, иных лиц и поэтому в свою очередь отражаются в их сознании. Отражение на предметах, взятое само по себе, вне познания его человеком, исключает возможность какого-либо искажения. Последнее связано с субъективной формой отражения, с познанием человеком. Основываясь на этом, диссертант считает необходимым относительно вещественных доказательств — следов уточнить распространенное в уголовном процессе положение о том, что вещественные доказательства могут быть ложными, искаженными. Ложным при такой ситуации является не само вещественное доказательство как результат взаимодействия предметов материального мира, а восприятие, познание, объяснение его следователем, судьей и иными лицами.

В работе рассматриваются особенности такой разновидности отражения на предметах, как слепки, оттиски, модели. В качестве объекта отражения здесь выступают предметы, которые сами являются предшествующим отражением воздействующего факта. Формирование слепков, оттисков предполагает обнаружение следователем этих предметов (следа обуви и т. п.). Образование слепков и иных копий происходит не стихийно, а направляется человеком, что позволяет в известных рамках влиять на адекватность данного отражения. Слепки, оттиски и модели, благодаря воспроизведению определенных свойств и признаков оригинала, в котором получил отражение воздействующий предмет, содержат сведения о последнем и поэтому могут служить его доказательством.

При освещении вопроса об отражении в сознании людей рассматриваются чувственная и рациональная ступени познания в судебном исследовании.

Появление у следователя, судьи, свидетеля и т. д. определенной исходной информации об отражаемом факте имеет в своей основе непосредственную связь лица с воздействующим фактом, его непосредственное отражение. Указывается, что такого рода отражения осуществляют в уголовном процессе в основном лица, показания которых имеют значение источников доказательств. Результаты непосредственного отражения выступают в качестве начальной посылки дальнейшего процесса познания обстоятельств уголовного дела.

Значительное внимание уделяется логическому познанию, доказыванию. Соглашаясь при некоторых оговорках с В. Д. Арсеньевым о возможности выделения в доказывании двух

его разновидностей — формально-логического и информационного¹, диссертант подробно разбирает познание с помощью информации, передаваемых сведений о факте.

Сведения, получаемые в ходе доказывания следователем, судом из сообщений лиц, из документов и от предметов, раскрывают содержание воздействующего, отражаемого факта. Благодаря этому следователь, суд постигают факты и обстоятельства, информацией о которых они располагают. В большинстве своем возникновение такой информации сопряжено с непосредственным взаимодействием лиц, предметов с отражаемым, выражаясь иными словами, исследуемым фактом. Однако наряду с этим следователь, суд могут использовать и сведения, которые появились у лиц, в документах и на предметах не в итоге указанного взаимодействия, а в ходе передачи им уже сформировавшихся сведений из иных источников. При познании с помощью подобного рода сведений между следователем, судом, как конечным адресатом этих сведений, и фактом, откуда они исходят, появляется два, а иногда и более посредствующих звена, передатчика. Неоднократно передаваемая информация также способна служить доказательством, ибо она несет в себе данные о первоначальном акте отражения, а стало быть и о воздействующем факте. На объективном, «принудительном» содержании последовательно переносимых сведений и основано доказательственное значение производных доказательств.

Поскольку раскрытие сущности производных доказательств немислимо без достаточно четкого понимания доказательств вообще, в первой главе освещается также вопрос о понятии доказательств и их источников.

На основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства, практики судебно-следственных органов и критического разбора существующих в науке взглядов диссертант высказывается против включения в содержание доказательств их источников. Доказательства как фактические данные и источники доказательств — категории различного порядка. Роль тех оснований, опираясь на которые, следователь, суд делают определенные выводы, выполняют в процессе доказывания только доказательства — фактические данные. Источники же представляют собой то, в чем содержатся доказательства. Они определяются в работе как ука-

¹ В. Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе, изд-во «Юридическая литература», М., 1964, стр. 78—79.

занные в законе средства, при помощи которых следователь, суд в установленном законом порядке получают и используют доказательства. Не в каждом источнике могут содержаться фактические данные и поэтому признанием доказательств их источников не исключается возможность ошибок в выводах следователя, суда и принятии ими соответствующих решений.

Говоря о необходимости четкого разграничения доказательств и их источников еще по ряду оснований, автор в то же время подчеркивает тесную связь этих смежных понятий. Доказательства всегда выступают в единстве с источниками, поскольку фактические данные не имеют доказательственного значения, если только они становятся известными органам уголовного судопроизводства не из предусмотренных законом источников.

В работе отстаивается точка зрения процессуалистов, которые трактуют доказательства как сведения о фактах. Приводится целый ряд доводов против толкования фактических данных как фактов объективной действительности, которые в силу своей природы являются всегда достоверными, непроверяемыми.

Во второй главе при исследовании вопроса о делении доказательств на первоначальные и производные анализируются существующие в теории советского уголовного процесса критерии данного разграничения. В качестве основания такого деления предлагается рассматривать отношение доказательства к факту, отражением которого оно явилось. Исходя из этого, первоначальными обозначаются доказательства, являющиеся непосредственным отражением определенного факта. Производные доказательства определяются как фактические данные, которые устанавливают отражаемый факт посредством сведений, содержащихся в иных источниках.

При таком разграничении фактических данных на первоначальные и производные не имеет значения само содержание доказательств. В зависимости от того, указывают они на главный или доказательственный факт, производные фактические данные являются одновременно прямыми или косвенными. Точно так же они могут быть обвинительными или оправдательными соответственно тому, устанавливается ими вина лица либо иныеотягчающие ее обстоятельства или подтверждается невиновность лица либо смягчающие обстоятельства.

Ввиду указанной ранее связи фактических данных и их ис-

точников деление на первоначальные и производные будет логично распространять и на источники доказательств в зависимости от того, первоначальные или производные сведения в них содержатся.

Подробно рассматривается различие первоначального и производного доказательств в процессе их формирования, в ходе которого осуществляется передача сведений из первоначального источника в производный. Исследуется природа посредствующего, промежуточного звена в производном доказательстве. В связи с этим подчеркивается, что если объектом отражения первоначального доказательства является всегда истинный в силу своей природы объективный факт, то лежащие в основе формирования производных доказательств те или иные сведения сами могут быть недостоверными. Поэтому доброкачественность производного доказательства зависит от обстоятельств и условий как воспроизведения производными сведениями содержания первоисточника, так и отражения первоисточником самого исследуемого факта. Отсюда делается вывод, что производные доказательства заключают в себе возможность большего искажения воспроизводимых фактов, чем первоначальные фактические данные. Другая особенность производных доказательств состоит в том, что они освещают факт, как правило, с меньшей степенью полноты по сравнению с их первоисточниками. Поскольку в производный источник из первоначального не всегда переносится вся имеющаяся информация, то производные фактические данные иногда представляют собой лишь часть информации первоисточника и в них нередко отсутствуют важные детали и подробности. Указанные особенности обуславливают необходимость применения при оперировании производными доказательствами некоторых дополнительных, специфических правил.

Освещается вопрос о степени производности доказательств и, в частности, говорится, что данная степень определяется количеством посредствующих звеньев между доказательством, представленном следователю, суду, и отражаемым фактом.

В работе дается критика буржуазной теории уголовного процесса по вопросу о производных доказательствах, показывается противоречивость, а в ряде случаев методологическая порочность решения этой проблемы.

Поскольку вопрос о производных доказательствах связан с принципом непосредственности, излагается содержание этого

принципа применительно к использованию производных фактических данных. Требования названного принципа обязывают следователя, суд в ходе доказывания непосредственно воспринимать, по возможности, первоначальные доказательства. Однако реализация требований принципа непосредственности не означает необходимости устранения из процесса доказывания производных доказательств, в частности, и в тех случаях, когда производные сведения используются совместно с первоначальной доказательственной информацией.

Полагая, что с точки зрения интересов практики явно недостаточным будет раскрытие сущности производных доказательств вообще, автор рассматривает производные фактические данные применительно к каждому виду источников доказательств. При этом всем источникам дается подробная характеристика.

Производное показание свидетеля (в равной степени это относится и к производным показаниям потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого) обозначается в диссертации как свидетельское показание, сведения которого устанавливают исследуемый факт через содержание иных источников. Сведения в производное показание могут быть переданы не только из первоначального показания свидетеля, но и из первоначальных показаний потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, из документа и вещественного доказательства. Соответственно этому характеризуется каждый из указанных вариантов производных свидетельских показаний. Вопрос о том, сведения какого источника лежат в основе производного показания лица, имеет известное значение для их собирания, проверки и оценки.

В работе указывается, в каких случаях надлежит относить к производным показаниям потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого. Говорится, что сведения в них переносятся из тех же источников, что и в производное свидетельское показание.

По мнению диссертанта, доказательства, содержащиеся в заключении эксперта, имеют всегда первоначальный характер, хотя в основе их лежит определенный фактический материал, в том числе вещественные доказательства и документы. Заключение эксперта, его выводы представляют не повторение, копирование иных доказательств, а результат исследования соответствующих материалов в свете каких-либо научных положений. По сравнению с теми фактическими данными, которые используются в качестве исходного материала для вы-

вода эксперта, доказательства, полученные в итоге производства экспертизы, являются всегда иными, новыми, оригинальными. Вместе с тем в заключении эксперта необходимо учитывать первоначальный или производный характер объектов исследования. В ряде случаев производная форма документов и вещественных доказательств, на основании которых дается заключение, может влиять на достоверность вывода эксперта. Во-первых, если в распоряжении эксперта имеется информация об объекте, а не сам объект, то нередко появляется возможность искажения при передаче этой информации из первоисточника. Во-вторых, данная информация не всегда в полном объеме передает состояние объекта исследования, не содержит сведений об отдельных его свойствах и признаках, что затрудняет производство экспертизы. Отсюда следует стремиться, где это представляется возможным, к тому, чтобы вывод эксперта основывался на исследовании объекта в его первоначальной форме.

В качестве производных вещественных доказательств в работе рассматриваются слепки, оттиски, а равно модели предметов, имеющих доказательственное значение. С учетом широкого применения слепков, оттисков в практической деятельности, все большего внедрения в работу судебно-следственных органов научно-технических средств, а также быстрого развития химии и связанного с ним получения новых качественных материалов диссертант высказывается за изменение существующего правового статуса слепков и оттисков. Вносится предложение признать за ними, а равно за моделями предметов значение самостоятельных правовых источников и включить их в ст. 83 УПК РСФСР как один из видов вещественных доказательств.

При освещении вопроса о делении на первоначальные и производные документов, имеющихся в них сведений указывается, что если документы выступают в роли вещественных доказательств, то они носят первоначальный характер в силу непосредственного отражения ими каких-либо обстоятельств. Подробно разбирая существующие в теории взгляды относительно деления на первоначальные и производные собственно документов, автор заключает, что последние также подлежат данному разграничению. Содержанием первоначальных документов являются сведения, которые не получили ранее своего выражения ни в одном из источников и которым поэтому присуще свойство «новизны», оригинальности. Производными обозначаются в диссертации документы, све-

дения которых устанавливают отражаемый факт путем воспроизведения содержания иных документов или сообщений лиц, могущих служить самостоятельными источниками.

Производные документы в зависимости от условий формирования подразделяются в работе на документы-копии; документы, воспроизводящие частично содержание первоисточника; документы-свидетельства; протоколы следственных и судебных действий. Описывая каждую группу, автор значительное внимание уделяет протоколам следственных и судебных действий как документам особого рода. При формировании этих документов посредствующим звеном выступают следователь, судья. Их составление происходит в соответствии с установленными процессуальным законом правилами, служащими важной гарантией достоверного познания и доброкачественного фиксирования исследуемых фактов.

К протоколам следственных и судебных действий примыкают фотокинодокументы и звукодокументы, представляющие, как полагает автор, факультативные и в то же время важные приложения к протоколам тех следственных действий, в ходе которых они применяются. Принимая во внимание, что названные документы не являются самостоятельными источниками доказательств и что их рассмотрение составляет предмет особого изучения, они не подвергаются в работе специальному, глубокому исследованию. Наряду с этим в плане их признания в будущем источниками доказательств освещается вопрос о том, в каких случаях фотоснимки, киноленты и фонограммы носят производный характер.

На основе изучения и обобщения судебно-следственной практики во второй главе раскрывается также роль производных доказательств в уголовно-процессуальной деятельности.

Указывая прежде всего значительный удельный вес производных фактических данных в доказательственном материале уголовных дел, автор приводит результаты конкретного исследования дел, рассмотренных в течение года народным судом Советского района г. Казани. Изучение показало, что процент дел, в которых фигурировали производные доказательства, составляет: по делам о хулиганстве — 19, по делам об убийствах всех видов — 27, по делам о нанесении тяжких телесных повреждений — 40, по делам об изнасиловании — 100. Делается вывод, что широкое применение производных фактических данных в процессе доказывания свидетельствует о признании за ними теорией и практикой советского уголовного процесса значения полноценных, качественных, са-

мостоятельных доказательств. В связи с этим подвергаются критике высказывания ряда процессуалистов, по мнению которых использование производных доказательств ограничивается лишь случаями, когда являются недоступными их первоисточники.

При освещении роли производных фактических данных вносятся некоторые уточнения в ставшую традиционной трактовку их значения как средств обнаружения, замены и проверки первоисточников. Относительно третьей стороны значения производных доказательств более правильно будет говорить о них как о средствах совместного использования с первоисточниками, поскольку их роль здесь выходит за рамки проверки и проявляется в самых различных аспектах.

Назначение производных доказательств выступать в качестве средств отыскания первоначальных сведений обусловлено тем, что они содержат указание на первоисточник, не обнаруженный к моменту получения такого доказательства следователем, судом. «Указывающее» свойство производной доказательственной информации имеет место в основном при собирании доказательств, в частности, при производстве первоначальных следственных действий.

Если при этом первоначальные фактические данные, на которые указывают производные сведения, являются прямыми, то их получением иногда обеспечивается раскрытие преступления.

Производные доказательства далее способны заменять собой первоначальные сведения, которые в силу различных причин недоступны для получения и использования судебно-следственными органами. Доказательственная ценность производных сведений зависит здесь от двух моментов: от того, главный или доказательственный факт ими устанавливается, и от полноты воспроизведения названных фактов. Значение производных доказательств как средств замены первоисточников показано относительно не только всех предусмотренных законом источников, но и всех возможных вариантов каждого из них в зависимости от того, что лежит в основе формирования сведений источника. Особо отмечается роль производной доказательственной информации, содержащейся в свидетельском показании, данном со слов умершего потерпевшего, не допрошенного следователем, судом. При изложении вопроса о роли заменяющих первоисточники производных документов подчеркивается значение протоколов следственных и судебных действий в тех случаях, когда они

имеют в качестве приложений кинофотодокументы и звукодокументы.

Важную роль играют производные доказательства и при совместном использовании с первоначальными фактическими данными. Эта сторона значения раскрывается также применительно к каждому виду источников доказательств. Диссертант выделяет в ней три аспекта. Во-первых, производные сведения подкрепляют, поддерживают лежащие в их основе первоисточники. Во-вторых, производные доказательства при известных условиях способны указывать на недостоверность первоисточников, опровергать их содержание. Важную роль в этом отношении играет так называемое внесудебное признание обвиняемого, которое на практике часто неправильно относят к косвенным доказательствам. В-третьих, производные доказательства при определенной ситуации восполняют, дополняют собой первоначальные сведения.

В третьей главе, посвященной специфике доказывания с помощью производных фактических данных, исследуется прежде всего вопрос о их допустимости. Производные сведения как последующее отражение исследуемого факта в определенной степени «отдалены» от этого факта. Поэтому включение производной информации в число доказательств необходимо предполагает достоверное установление ее первоисточника. В противном случае для следователя, суда при оперировании производными сведениями остается неизвестным, явились ли они отражением первоисточника исследуемого факта, а через него и самого факта, или каких-либо иных данных. Такого рода сведения было бы рискованно допускать в качестве судебных доказательств. Указанное обязательное условие допустимости выражено применительно к показаниям свидетелей и потерпевших в законе (ст. ст. 74, 75 УПК РСФСР и соответствующие статьи уголовно-процессуальных кодексов иных союзных республик).

В работе подробно излагается, как отмеченная особенность допустимости доказательств проявляется относительно фактических данных, содержащихся в каждом виде их источников.

Следует оговориться, что требование выяснения первоисточника производных сведений было бы неверно связывать с его обязательным наличием в деле, так как это значительно бы ограничило использование производных доказательств. Производные фактические данные, первоисточник которых достоверно известен, признаются допустимыми вне зависимости от того, получен или не получен этот первоисточник и

существует ли вообще практическая возможность его вовлечения в число доказательств. X

Особо исследуется вопрос о допустимости производных доказательств, содержащихся в протоколах следственных и судебных действий. Выделяя среди них протоколы, указанные в ст. 87 УПК РСФСР, и с другой стороны протоколы допросов, диссертант отмечает, что различие в формировании этих процессуальных документов предопределяет неодинаковое решение вопроса о их допустимости на суде. Если допустимость протоколов, предусмотренных ст. 87 УПК РСФСР, при условии составления их в соответствии с законом ничем не ограничена, то использование на суде протоколов допросов, за некоторыми неизбежными исключениями, обусловлено наличием их первоисточника, т. е. показания соответствующего лица. Приводя конкретный материал, автор подвергает критике встречающиеся в практике отступления от этого условия допустимости.

Отмеченные особенности протоколов допросов не дают основания считать данный вид процессуальных документов, как это делают некоторые процессуалисты, лишь средствами фиксации показаний. В работе на основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства РСФСР и других союзных республик отстаивается мнение о том, что протоколы допросов являются самостоятельными источниками производных доказательств. Такой вывод прямо следует из ст. ст. 76, 281, 286, 287 УПК РСФСР, относящих протоколы допроса подозреваемого, а при определенных условиях и протоколы допроса обвиняемого, свидетеля, потерпевшего к источникам доказательств. В связи с этим выдвигается предложение о необходимости привести содержание ст. 87 УПК РСФСР в соответствие с названными статьями, включив в нее указание на протоколы допросов как на один из видов протоколов следственных и судебных действий, являющихся самостоятельными источниками доказательств.

В целях сравнения освещается вопрос о допустимости производных доказательств в буржуазном и прежде всего в англо-американском уголовном процессе. На конкретном разборе ряда правил доказательственного права показано, что решение вопроса о допустимости производных доказательств в буржуазном уголовном процессе не отвечает условиям отыскания истины на следствии и суде. Оно не только создает большие трудности в использовании производных доказательств, но и открывает широкие возможности для произвола со сто-

роны органов следствия, суда при осуществлении доказывания.

Во втором параграфе главы излагается вопрос об особенностях собирания производных доказательств. Диссертант полагает, что эти особенности проявляются при определении пределов собирания, в обнаружении, а также в получении производных доказательств.

Необходимость установления оптимальных границ собирания производных фактических данных вытекает из преимущественного использования в уголовно-процессуальной деятельности первоначальных доказательств. Однако далеко не всегда следователь, суд в состоянии располагать достаточным в количественном и качественном отношении первоначальным доказательственным материалом. На основании изучения судебно-следственной практики делается вывод, что производные сведения должны быть вовлечены в число доказательств по делу при наличии хотя бы одного из следующих условий:

1) когда относительно исследуемого факта практически невозможно получение первоначальной доказательственной информации;

2) если по данному факту имеется одно первоначальное доказательство, требующее его проверки и оценки;

3) в случае, когда в доказательственном материале имеются противоречия, которые не могут быть устранены получением иных первоначальных сведений.

Отмечая, что установление пределов собирания производных доказательств должно содействовать реализации требований ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, автор показывает важность получения при определенных условиях не единственного, а нескольких происходящих из одного первоисточника производных доказательств. В ряде случаев целесообразным будет привлечение доказательств во второй степени производности.

Собирание производных доказательств в целях эффективной проверки и оценки предполагает, за некоторыми оговоренными в работе исключениями, и получение первоисточника этих доказательств при условии его доступности для следователя, суда. На конкретных примерах подвергается критике такая работа следователя (суда) по собиранию производных фактических данных, когда за пределами исследования оказывается практически доступный их первоисточник. В связи с этим вносится предложение о дополнении ст. ст. 74 и 75 УПК

РСФСР требованием о получении первоисточника, когда показания свидетеля или потерпевшего основаны на сообщении лиц, содержании документов и предметов.

3/2

Подробно исследуются особенности обнаружения производных доказательств. Отыскание производных фактических данных, содержащихся в показаниях лиц, а в известной степени и в документах, может осуществляться как через их первоисточник, так и путем непосредственного обнаружения производных сведений. Метод обнаружения производных доказательств через первоисточник заключается в том, что при наличии первоначального показания лица, документа или вещественного доказательства следователь, суд выясняют, не передавались ли сведения из этих источников другим лицам или не фиксировались ли они в иных документах. Если передача такого рода состоялась, то обнаружением указанных лиц и документов судебно-следственные органы получают производные сведения. Другой прием отыскания производных доказательств предполагает непосредственное установление лиц и документов, которые могли находиться в определенном контакте с первоисточниками и в которые поэтому были перенесены сведения производного характера. С этой целью орган расследования (суд), принимая во внимание обстоятельства конкретного дела, решает вопросы, кто из лиц мог слышать сообщение очевидца, ознакомиться с содержанием документа, воспринять обладающий доказательственными свойствами предмет; в какой документ могли быть переданы сведения. Говорится о том, кого следует отнести к числу указанных лиц и выделяются применительно к показаниям свидетелей, потерпевших, обвиняемых определенные группы таких лиц.

В работе подчеркивается, что большую помощь следственным органам по обнаружению необходимых производных доказательств способна оказать общественность; освещаются различные стороны этой помощи.

Рассматриваются также особенности в получении производных доказательств. При получении показаний лица важно выяснить обстоятельства и условия переноса сведений из первоисточника, устанавливая при этом все детали и подробности переданного, а иногда и дословную передачу сведений лицом-очевидцем или дословное воспроизведение прочитанного лицом документа. Излагая вопрос о получении производных вещественных доказательств, автор с учетом ранее сказанного об изменении правового режима слепков, оттисков и моделей выдвигает предложение о регламентации в за-

коне способа получения этого вида доказательств. Диссертант полагает, что данный способ получения следует обозначить в законе «Изготовление слепков, оттисков и моделей», что процессуальные условия его производства должны отражать сложившуюся практику закрепления следов посредством слепков и оттисков. Результаты производства этого действия в соответствии со ст. 141 УПК РСФСР необходимо фиксировать в отдельном протоколе, где следует указывать среди других сведения о присутствии понятых; о месте, времени, способе и условиях изготовления копии; о материале, применявшемся при моделировании; о состоянии объекта после его копирования.

Третий параграф главы посвящен особенностям проверки и оценки производных доказательств. Данные особенности определяются наличием в последних посредствующего звена. В ходе проверки и оценки производных доказательств возникает необходимость, как правило, их сопоставления с первоисточниками, под воздействием которых они сформировались. С учетом этого диссертант полагает, что проверка и оценка должны осуществляться применительно к отдельно взятому доказательству, далее к его сопоставлению с содержанием первоисточника и, наконец, к его исследованию и оценке в совокупности со всем имеющимся доказательственным материалом. Такой схемы автор придерживается при изложении этого вопроса.

Проверка и оценка отдельно взятого показания лица, содержащего производные доказательства, включает в себя дополнительно выяснение таких обстоятельств, как мог ли иметь место контакт лица с первоисточником; не было ли обстоятельств объективного и субъективного порядка, препятствующих получению лицом производных сведений; имелась ли его заведомая осведомленность о преступлении; каково время, разделяющее появление первоначальных сведений до их передачи в производный источник; в каких отношениях находится данное лицо с тем, от которого ему стали известны определенные сведения.

Указывается, какие моменты следует принимать во внимание при исследовании производных документов. Необходимость учета тех либо иных обстоятельств раскрывается в работе относительно каждой из рассмотренных ранее групп производных документов.

В ходе проверки и оценки производного вещественного доказательства следует учитывать материал, используемый

при изготовлении копии; характер копируемого объекта; конкретные условия изготовления копии, оттиска, модели; соблюдение правил копирования, выработанные криминалистической наукой и техникой; время, разделяющее изготовление производного вещественного доказательства от момента формирования оригинала; степень сохранения последним своих индивидуальных особенностей, обеспечивающих возможность идентификации.

Дальнейшая проверка и оценка производных доказательств должны осуществляться в направлении их сопоставления с первоначальными сведениями, из которых они исходят (если первоисточники практически доступны). В итоге указанного сопоставления может оказаться:

- 1) производные фактические данные противоречат первоначальной информации;
- 2) производные доказательства совпадают с содержанием их первоисточника;
- 3) первоначальные сведения, под воздействием которых якобы сформировалось производное доказательство, вообще отсутствуют и в действительности не существовали.

В последнем случае, за некоторыми исключениями, следует вывод о фальсифицированности, недостоверности производных доказательств. Соответствие же, гармония производных и первоначальных фактических данных свидетельствует об истинности передачи информации из первоначального источника в производный. Вместе с тем отсюда было бы преждевременно заключать о доброкачественности производного доказательства, так как лежащие в его основе первоначальные сведения могут быть сами недостоверными.

В случае несоответствия, противоречия первоначального и производного доказательств проверка и оценка последних предполагает обязательное установление причины их расхождения. Это необходимо для решения вопроса об использовании одного из них в качестве основания для определенного вывода и устранении другого или же обоих из процесса доказывания как недоброкачественных. В работе исследуются причины, которыми объясняется расхождение производных сведений и их первоисточника и знание которых в значительной мере содействует эффективности проверки и оценки производных доказательств. Во-первых, такого рода несовпадение может быть вызвано произвольным искажением информации при передаче ее из первоисточника, который истинно воспроизводит факт. Во-вторых, указанное расхождение иногда

сопряжено с тем, что в производный источник переносятся заведомо ложные сведения, а впоследствии следователю, суду сообщается достоверная, правдивая информация. В-третьих, причина подобного противоречия нередко заключается в том, что из первоначального источника в производный передаются достоверные сведения, а следователю, суду — заведомо искаженные фактические данные. В-четвертых, причиной рассматриваемого противоречия может быть недоброкачество как первоисточника, так и производного доказательства.

Производное доказательство далее, вне зависимости от того, совпадает или не совпадает оно по своему содержанию с первоисточником, необходимо проверить и оценить под призывом его соответствия всему доказательственному материалу по делу и, в частности, иным производным фактическим данным. Особенно тщательно в совокупности со всеми доказательствами следует проверять и оценивать те сведения, первоисточник которых оказывается недоступным и которые поэтому не могут быть с ним сопоставлены. Только при условии соответствия всем имеющимся доказательствам по делу производные фактические данные признаются достоверными и на основании этого конструируется вывод об установлении определенного факта.

Основные положения, изложенные в диссертации, опубликованы в следующих работах:

1. Сущность производных источников доказательств в советском уголовном процессе. Итоговая научная конференция Казанского Государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина за 1963 год, Казань, 1964.
2. Производные свидетельские показания в советском уголовном процессе. Итоговая научная аспирантская конференция КГУ за 1964 год, Казань, 1964.
3. Особенности собирания производных доказательств в советском уголовном процессе. Материалы теоретической конференции по итогам научно-исследовательской работы Свердловского юридического института за 1964 год, Свердловск, 1966.
4. Особенности проверки и оценки производных свидетельских показаний в советском уголовном процессе. «Советская юстиция», 1965 г., № 24.
5. Производные письменные документы и особенности их использования в советском уголовном процессе. Сборник аспирантских работ Свердловского юридического института за 1965 год, Свердловск, вып. IV (находится в печати).
6. О первоначальном характере заключения эксперта. Сборник аспирантских работ Свердловского юридического института за 1966 год, Свердловск, вып. V (находится в печати).

НС 17254 К печати 17/II-67 г. Объем 1,5 п. л. Заказ № 990, тираж 200.

г. В. Пышма, типография Управления по печати.